

ШАРАФ
РАШИДОВ

КАШМИРСКАЯ ПЕСНЯ

ПОВЕСТЬ

Перевод Н. Грибачева

ОТ АВТОРА

В основе этой повести — древняя кашмирская легенда. Она исполняется — рассказывается и поется — в Кашмире и сейчас. Музыку к ней создал талантливый композитор и педагог Дина Натх Надим.

Известно, что авторы иногда на протяжении всей жизни обращаются к любимым произведениям, внося дополнения и исправления. То же сделал и я для этого нового издания «Кашмирской песни».

ПРОЛОГ

Много живший, много видевший, много вкусивший от радости и горя учитель спросил своих учеников, молодые глаза которых были зорки, а ум только расправлял крылья для дальнего полета:

— Где рождаются реки?

— В горах,— ответил один.

— Родниками из земных глубин,— ответил другой.

— В морях и океанах,— ответил третий.

Учитель подождал, не добавят ли они еще чего-либо, но так как они молчали, сказал:

— Каждый из вас изрек истину видимости, но не истину сути. Истина видимости открывается смотрящему, истина сути — думающему и долго ищущему. Тот, кто говорит, что реки рождаются в горах и от родников, забывает, что вода приходит туда из океанов и морей. Тот, кто говорит, что реки рождаются в морях и океанах, забывает, что вода к ним приходит с гор и от родников. Тот, кто скажет, что нашел начало и конец, нащупав одно звено замкнутой цепи,— тот или ошибающийся, или невежда, или лгун.

И снова, подумав, спросил учитель:

— Где берет начало мудрость народа?

— В опыте,— ответил один.

— В мысли,— ответил другой.

— В соединении опыта и мысли,— ответил третий.

И снова, подумав, сказал учитель:

— Опыт человека умирает вместе с человеком, ум человека умирает вместе с человеком. Ибо короток век наш! — Мудрость берет начало в памяти народа. Она океан, от которого рождаются горные потоки и родники,

она океан, куда впадают горные потоки и родники, ставшие в пути реками. Память — следствие мудрости, и она причипа ее. Но где живет память и что дает ей силу переходить, обогащаясь, из века в век, из прошлых времен во времена будущие?

Это — рисунок на скале и картина на полотне.

Это — строка на каменной плите и книга.

Это — сказка, предание, легенда.

Это — песня и музыка.

В них память народа, которая, ширя свои берега, перетекает от поколения к поколению, в них мудрость народа, которая, как все разгорающийся в пути факел, передается от поколения к поколению.

Прими, песи, передай!

Прибавь зерно к зерну и строку к строке, плод к плоду и музыку к музыке, цветок к цветку и песню к песне!

И

В широкую, от горизонта до горизонта, долину, ступая легко и беззаботно, входила весна.

И серебряными казались потоки, падавшие с гор, окаймлявших долину, и золоточешуйпо сверкала река, плавными изгибами скользившая по ней, и первые, самые смелые и нетерпеливые, поднимались ростки и вспыхивали цветы. Впитывая все краски рассветов и закатов, рос и дождей, воды и неба, переливались они синим и желтым, розовым и фиолетовым, лиловым и оранжевым. Один другого ярче, один другого краше, улыбались солнцу, и солнце

улыбалось им. А когда хотели они отдохнуть от зноя, белоснежные облака прикрывали их летучей тенью.

Во множестве порхали птицы, на бесчисленные лады пели свои песни. О чем? Этого никто никогда не мог выразить словами, но все знали, что это радость жизни и песня жизни, язык которых понятен всем. А над бесконечными пореливами красок и звуков молчаливо возвышались по краям долины высокие горы с вечными снегами на вершинах.

Наргис расцветала в долине первой. И красота ее была ни с чем не сравнимой — кто увидел ее однажды, тот помнил всегда. Надев голубую бархатную жакетку поверх шелкового платья, повязав головку белой косынкой, нацепив серьги из самодетных рос, она покачивалась на ветру, хмелея от простора, света, красок, песен.

Но невеселы были ее глубокие черные глаза и грустна песня, которую она пела сама в лад птицам и ветерку. Ни на какую другую не похожа была эта ее песня и словно бы искала дорогу в далекий край. Сердце Наргис тянулось к другому сердцу, которое бы поняло ее и ответило ей любовью на любовь.

Печалью не томимый,
Ты так далек, любимый.
Кто же слезы высушит мой
В любви неутолимой?

Все ищут в час цветенья
Дорогу единенья.
Что ж ты не начинаешь путь,
Что медлишь в отдаленье?

Нет тяжелей страданья,
Чем это ожидаье.
Приди и слезы осуши,
Приди, я жду свиданья!

Прислопившись к огромному камню у подножия гор, закрыв прекрасные, полные томления глаза, все громче, все настойчивее пела Наргис о своей любви к Бамбуру. Она пела и покачивалась на ветру — так выражала она и свою радость, и свою печаль, и обиду одиночества. И в такие мгновения ей начинало казаться, что тот, кто заполнил все ее помыслы и чувства, уже возник из полдневного марева, уже идет, уже все ближе, ближе, и его дыхание колышет ее шелковые косы и обжигает алые губы.

Цветы, слушавшие Наргис, понимали, что любовь овладела всем ее существом, что все ее чувства и помыслы обращены только к Бамбуру. Без него не видеть ей красоты мира, не испытать из палаты счастья. И потому будет она ждать и звать его день за днем, час за часом, мгновение за мгновением — всю свою жизнь, до тех пор, пока серая волна небытия не набежит на глаза ее. И как бы далеко ни находился возлюбленный ее, какой бы многотрудный путь ни был ей сужден, она верила, что рано или поздно придет его — любовь вознаградится любовью.

Всему живому известно — любовь, обладающая такой преданностью и верой, будет все глубже пускать свои корни, становиться все более могущественной силой, которую не остановят ни бурные реки и бескрайние моря, ни желтые выжженные пустыни и высочайшие горы, подножия которых обмывают пенные потоки, а вершины укутываются облаками. Она, не страшась испытаний, достигнет своей цели!

— Цель далека, Наргис, и твой нелегкий путь.
Пройдешь ли до конца его когда-нибудь?
Нелегкий будет путь, дойду ли, нет ли, но
Лишь тем, кто вышел в путь, закончить путь дано.
— А если рыжий зной и яростный Хоруд
Дорогу преградят и лепестки сорвут?
Иль ноги обожгут горячие пески,
Или ударит вал разлившейся реки?
Или сторуккий вихрь в свою поймает сеть —
О том, что вышла в путь, не станешь ли жалеть?
— Буря жестока, силен, а все ж любовь сильнее.
Властителем Хоруд, но только не над ней.
Любя, переборю реки могучей токой,
Любя, пройду живой сквозь пламень и песок.
Опасней, чем Хоруд, страшней кипящих вод
Молчать, когда любовь идти и петь зовет!

Всей долине была слышна песня Наргис. Ей вторили цветы, птицы, ветерок, ручейки, пробивающие себе дорогу с неба, от снежных вершин к теплой земле. И еще — в лад ей запела девушка, сердце которой переполнилось горячими мечтами юности и непомерностью всего того прекрасного, из чего состоит мир. А ей — так уж устроено, что из ручейка рождается река, из черенка дерево — откликнулись девушки близких и далеких селений, что, соединясь дорожками и тропинками, непрерывной чередой уходят за синюю черту горизонта.

А потом, когда ее голос растворился в бесконечности других, Наргис танцевала. И все, кто видел ее танец, движения рук и головы, то трепетно-радостные, то безгранично-печальные, понимал, что с ней происходит. Есть вечная связь всего со всем — птицы и ветра, неба и воды, цветка и человека, песни и сердца. Потому и получилось, что мечтания Наргис родили папев, папев породил песню девушек, песня девушек превратилась в движение, ставшее танцем Наргис, а танец Наргис, удивляя и завораживая, остановил время и заставил головки цветов тянуться выше, как можно выше.

Наконец Наргис устала и присела на камень.

Она думала о Бамбуре.

Она не помнила, когда его увидела и полюбила, не зна-

ла, во сне это было или наяву. Разве не случается так, что градь между явью и сном становится тоньше шелковой нити и качающейся на ветру паутинки, что в счастливое мгновение хочется потрогать себя — не сплю ли? — а в горестную минуту приходит желание — ах, скорее бы проснуться? Как бы там ни было, жажда встречи с Бамбуrom заполняла ее, а где и когда это началось — не имело значения.

Когда горит дом, нет времени вспомнить об искре, от которой он загорелся.

Но если пламя не гаснет и день, и два, и три и кажется, не погаснет никогда, приходит состояние, когда можно забыть то, что было, и вспомнить то, чего не было.

В такие минуты начинало казаться Наргис, что в один из летних дней на рассвете солнце, подобно ковру, растелило свои лучи от горных вершин до подножия и, окруженный сиянием, по ним сошел Бамбур. Сошел, и встал перед ней, и замер в безмолвии, и оно длилось, может быть, час, может быть, день, может быть, тысячелетие, и они не могли оторвать глаз друг от друга. И цветущая долина, и поднебесные горы, и весь мир исчез, растаял в прекрасных больших глазах Наргис, и ото всего, что было, остался только Бамбур. И цветущая долина, и поднебесные горы, с которых сошел он по ковру солнечных лучей, и весь мир исчез, растаял в глазах Бамбура, и ото всего осталась только Наргис.

— Я царь пчел,— сказал наконец Бамбур, когда обрел дар речи.— Много садов и цветников, горных склонов и пустынь, благодатных лугов и тучных полей облетел я, но нигде не встретил такой, как ты. Может быть, ты не поверишь, но я искал тебя. Столько лет я искал! Во всем краю нет уголка, где я не побывал бы, нет цветка, у которого я не спросил бы о тебе — где ты, где ты, где ты? Есть волшебное зеркало мира, в котором отражено все, что было, все, что есть, все, что будет,— в нем я увидел тебя, и с тех пор жажда встречи гнала меня на поиски источника, который утолит ее. Я нашел этот источник — это ты, Наргис. Я нашел смысл своей жизни — это ты, Наргис. Не отвергай меня — в отвержении твоём моя смерть, Наргис!

Вот все, что он сказал.

Но сказал ли?

И сходил ли он с гор к ней, Наргис?

Или и она увидела его в волшебном зеркале мира?

Между явью и сном, между чудом и обыденностью, между волшебством и сотворением грань тоньше шелковой пити и паутины. Может быть, глаза наши видят больше того, что способен уяснить разум, может быть, мечтая о яблоке, мы закладываем и растим сад? Как бы там ни было, ручей отыскал реку, река отыскала море, любовь нашла любовь. И приходил, скользя по коврам солнечных лучей, Бамбур, и опускался к ногам Наргис, и влюбленным взглядом ловил влюбленный взгляд. А когда отводил он глаза, чтобы посмотреть на горы или долину, Наргис тревожно шептала:

— Нет, пет, смотри на меня! Когда ты отводишь взгляд, мне холодно!

А когда он замолкал в полноте чувств, она просила:

— Нет, нет, продолжай говорить! Когда ты молчишь, мне кажется, что перестал журчать ручей и зной иссушает меня.

И слезы радости сверкали на ее ресницах, как рассветные росы.

Они встречались у камня, и долина до края наливалась золотым и синим светом, наполнилась довольством и покоем. Утро переходило в полдень, полдень переходил в закат, закат переходил в звездную почь, сновидения в явь и явь в сновидения. Все живое на земле обрело согласие, и казалось, что так будет продолжаться всегда.

Но лет яблока, одинаково румяного со всех сторон.

Нет равнины, которая не упиралась бы в горы или не обрывалась бы пропастью.

Нет добра, вокруг которого не ходило бы зло.

В долине поговаривали о свадьбе, и все, прослышавшие о том, готовили свои лучшие наряды.

Но враги всего здравствующего и благоденствующего, наблюдая за благополучной и веселой жизнью долины, все больше мрачнели от злобы, все сильнее ненавидели Наргис и Бамбура. Везде были у них свои глаза и уши, незримые другим. Наблюдая приготовления к свадьбе, они решили помешать ей. И для начала занавесили поднебесье тяжелыми черными тучами. Ни один солнечный луч днем, ни один отблеск звезды ночью не могли найти дорогу в долину.

Но, поспешая к Наргис, Бамбур не сбивался с пути. Ее сердце излучало тепло, от нее исходило сияние, и он без-

ошибочно находил дорогу к пей. Злые силы разъярились еще больше, подняли на болотах гнилые испарения, растелили серые, похожие на мокрую вату, туманы.

Но Бамбур находил дорогу.

Тогда черные силы воззвали:

— Где ты, Вихрь? Спешి сюда! Ты чуднице из чудиц, ты страшилище из страшилищ. У тебя тысячи щупальцев, ты извечный враг всему живому. Принимайся за дело, обрати в прах близкие и дальние земли вокруг долины!

И Вихрь сделал свое дело.

Дорога, по которой приходил на свидание Бамбур, была искрошена, ее пересекли трещины и провалы, над ней закрутилось марево серой пыли, в которой ничего нельзя было увидеть на длину руки. Только ящерицы еще шныряли по ней, и, прячась за камешками, поджидали добычу скорпионы.

— Ты молодец, — сказали Вихрю те, кто повелевал им. — И умеешь делать свое дело. Ты разрушил все дороги, а любовь без встреч — это цветок без воды. Он может орошаться собственными слезами, но слезы не увлажняют, а сушат!

У злыбы один глаз, и тот с бельмом, она видит то, что под ногами, но не видит того, что вокруг или далеко. Сердце Наргис посылало призыв, и Бамбур находил дорогу в клубах пыли.

Тогда был призван Буран:

— Теперь приступай ты. И не как-нибудь, а во всю силу. Сговорись с другими, найди помощников, покажи, что ты не зря носишь свое грозное имя! Вихрь разрушил дороги свидания, но это не помогло. Покажи — на что способен ты!

И свистнул Буран, и завыл, и показалось, что рухнула крыша мира, обвалились, скатываясь в долину, вершины гор, разверзлись пропасти, поглотив ручьи и реки. Вокруг долины цветов воцарилась хаос и мрак, она стала одиноким островом в безграничном океане опустошения. И впервые Бамбур, сколько ни искал, не нашел пути, и впервые Наргис, сколько ни звала, не могла дозваться его.

Вместо него перед ней, вывалившись из черного облака, встал Буран, свирепое страшилище с косматой головой. Крошки земли и пыли сыпались с него, пахло гарью.

— Видишь, как я люблю тебя, Наргис! — сказал он, впиваясь в нее глазами, в которых сверкали зловещие

огни.— Сколько я тут наворочал, и все ради тебя. А его нет. Его больше не будет. Если бы и захотел, он не смог бы вернуться,— продолжал он, не желая даже называть имя Бамбура.— Все вокруг уничтожено. Осталась только ты и твой сад. Будь моей женой, Наргис!

Наргис, сложив лепестки и печально покачав головой, сказала:

— Буран, нам с тобой никогда не понять друг друга и не сговориться. Возможно, сойдутся земля и небо, но доброта и жестокость, война и мир — никогда. Не старайся напрасно. Если ты даже повернешь реки вспять и опрокинешь горы, то и тогда не достигнешь цели. Ты сорвешь, втопчешь в землю цветок, но рано или поздно на его месте будет цвести другой. Будет цвести, будет цвести! Ты окутаешь пламенем дороги Бамбура, но он будет приходить! Ты воздвигнешь скалы на его пути, разольешь реки морями, но, одолев скалы и волны, он будет приходить, будет приходить! Могуществен ты, многое в твоих силах, но разлучить влюбленных ты не можешь. Нет у тебя таких сил!

Буран, слушая Наргис, наливался и наливался новой яростью — он не привык, чтобы ему противоречили. Цветы же, окружавшие Наргис, ее подруги, соловьи и горлинки, все, что любили и славили жизнь, одобрительно шумели, ворковали, пели. И показалось Бурану, что все они, кто покачивая яркой головкой, кто распушив зеленые листья, кто перепархивая, — все, сколько было, — двинулись на него. И смутился Буран перед упорством и бесстрашiem жизни и, не зная, что предпринять, стал пятиться. Замерли в изумлении и его помощники, наблюдавшие со стороны, не могли понять, почему сила, которой нет равных, отступает перед слабыми.

А Наргис, продолжая говорить о красоте и доброте, бесстрашно смотрела в смятенное лицо Бурана, и этот взгляд жег его темную душу неведомым доселе огнем.

И отступил Буран.

По другую сторону камня поднялась, распушив листья, пышнотелая Лола¹.

Она была подругой Наргис.

Укутанная в алый шелк, с пурпурными отсветами в теньях, блистающая свежестью, она сама была похожа на улыбку красавицы, на то непостижимое сочетание линий

¹ Лола — тюльпан.

и красок с печатью мягкости и доброты, в честь которых слагаются поэмы и поются песни. Глаза ее, влажные и глубокие, сияли, брови сошлись и напоминали ласточку в полете. Воистину, это была Лола, дитя рассвета! И платье ее, и жакетка, и шляпка на голове были рождены от встающего над горизонтом солнца и снежных горных вершин, лишь рукава платья и серьги в ушах были в цвет листвы.

Все цветы, сколько их ни было вокруг, встретили ее поклоном. Красота рождает зависть и неприязнь, если она заносчива и зла, красота рождает восхищение и преклонение, если она добра.

— Я вижу, ты плачешь. О чем? — спросила Лола у Наргис.

— Муки любви терзают мое сердце, а того, кто мог бы их облегчить, нет, — ответила Наргис.

— Нет любви без огорчений, — вздохнула Лола. — Миг разлуки становится равным вечности, невозможность встречи уподобляется смерти. Но вечность снова становится мигом, а смерть отступает перед лицом надежды. Не надо убиваться. Если ты надеешься и веришь — Бамбур придет. Наверное, он и сам, пронзая тьму, облетая горы и пустыни, ищет дорогу к тебе.

Утешительная речь подруги в горе — то же самое, что лекарство при болезни. Лола говорила, Наргис слушала и успокаивалась.

Над зеленой волпой, которую создавал ветер, качая листья, поднялась Атиргул¹. Как все вокруг, с наступлением весны она расцвела, раскрыла навстречу солнцу свои бутоны, выглядела нарядно и томно. И беседа приобрела еще более доверительный характер.

Цветы лепетали о любви, птицы щебетали о верности. Красные маки утешали Наргис, соловьи своими трелями призывали Бамбура на свидание. И по мере того, как разгорался день, голоса наливались силой, песни звучали все громче.

Шуршат цветы, шумят
Под солнцем и дождем
И украшают сад
И все, что есть кругом.

¹ Атиргул — роза.

Здесь Лола, всем родня,
Сияет в блеске дня,
И с ней подруга Атиргул —
Сто языков огня.

Несчетно у реки
Толпятся васильки.
И дружит с красным синий цвет,
Как в песне две строки.

Там, где цветут цветы,
Сбываются мечты,
И сказка переходит в явь
Там, где цветут цветы.

Но по округе всей
Сильнее нет страстей,
Чем вера и любовь Наргис.
Как быть, что делать ей?

И птица, и цветок,
И горный ручеек,
Мы песней в честь ее любви
Приблизим счастья срок.

Пускай в урочный час
Бамбур услышит нас,
Чтоб отразиться у Наргис
В глубинах черных глаз.

II

Так пели в долине, которая, будучи садом и цветником одновременно, как бы воплотила в себе высшую красоту, доброту и согласие. Девушки и соловьи, чабаны со свирелями и ветерки, все такие разные перед лицом жизни, соединились в многоголосом хоре.

И начинало казаться, что, смыкаясь друг с другом краями и переливаясь друг в друга, это поют земля и небо, восславляя верность Наргис и преданность Бамбура. Ибо известно всему существу, что от начала и до конца вре-

мен любовь — это источник возрождения и обновления мира.

Не познавший любви — цветок, не дающий плода.

Не познавший любви — зерно, не дающее ростка.

Но снова долина накрылась тенью, набежали, становясь все темнее, тучи, и дохнула стужа. Ледяной вихрь пронесся из конца в конец, ввергая в озноб цветы и листья, присыпая ядовитой пылью бутоны и лепестки. Шла смерть, способная принимать множество обличей, но в любом из них верная смерть.

Это, накопив силы и ярость, вернулся Буран.

Добро отходчиво и забывчиво — у зла долгая память.

Буран вырубал огонь на скалах, выл, ревел, катил грохот.

Что могут деревья со своей нежной листвой, раскрытой, как детские ладони, навстречу свету! Что могут цветы на тонких стеблях? Они, дети солнца и прозрачной воды, благородных людских помыслов и ласковых рук, пригибались к земле, чтобы найти в ней укрытие и хоть немного тепла, прятались в ложбинах, в расселинах и за камнями.

Так поступила Лола.

Так поступила Атиргул.

Так поступила Наргис.

Так поступили птицы, песни которых, еще недавно полноголосые, превратились в жалобное щебетание и стоп. Все двойственно, все имеет свою противоположность, и в борении заменяется одно другим — верх и низ, свет и тьма, зной и мороз. Был час радости, наступила пора слез.

А Буран неистовствовал. Бесформенный, косматый, с тысячами рук и голов, на которых то возжигались красным и зеленым светом, то гасли разъяренные глаза безумца, он топтал и сокрушал все на своем пути. Сын мрака и пустыни, он творил мрак и пустыню, не зная ничего другого и не умея делать ничего другого.

Каждому свое в этом мире — горлинка поет, а ястреб убивает, тепло рождает из камня злак и плод, холод превращает злак и плод в камень, одетый инеем. Было ли когда-нибудь иначе, будет ли когда-нибудь иначе? Взгляд обращается в дали прошлого, и оно отвечает — не было, разум вопрошает будущее, и оно отвечает — не будет.

И все же, чтобы узнать, где кончается дорога, надо ее пройти.

И все же, чтобы узнать, о чем говорится в песне, надо донеть или прослушать ее до конца.

Не раз пройдя долину вдоль и поперек, расплескав ручьи, наваяв песчаные холмы, Буран, сколько ни смотрел он множеством своих безумных глаз, не мог найти Наргис. И, свирепея еще больше от того, хвастался и грозил:

— Э-эй, где вы, кто считал, что со мной можно шутить? Куда подевались вы, франты и франтихи в пестрых лоскутках, вообразившие, что можете разговаривать со звездами и держать льва за гриву? Нет предела моему могуществу — об этом кричат обломки скал, низвергнутые в ущелье, об этом шумят потоки, повернутые мной вспять, об этом воют вихри, поднятые выше облаков! Или есть еще кто-нибудь, готовый сразиться со мной? Так пусть выходит. Ага, молчите, гром голоса моего сковал вас немотой! А где ты, Наргис, дарительница жизни? Где твой Бамбур, которому под силу сражаться только с бабочками и мухами? Выходите и покоритесь. Или — погибнете!

Попусту бесновался, хвастался и грозился Буран.

Цветы молчали.

Птицы молчали.

Мудрость не отвечает на хвастовство разъяренной глупости, которая слышит только сама себя. Жизнь не торгуется со смертью — она борется или погибает.

Буран выл, вопил, метался в одиночестве и начинал ощущать беспокойство, не понимал, что происходит. Уж кажется, он постарался, не пожалел сил, предела которых не знал и сам, но где же Наргис? Укрывается в расселине, уходит в землю, чтобы потом возродиться снова, и он ничего не может с этим поделать? Да, у живого есть этот способ спасения, поднять и смешать с небом всю землю не под силу никому. Но у Бурана есть еще сообщники. Перекрутив узлами косматые руки, вцепившись ими в снеговые вершины, он завыл:

— Хоруд! Эй, Хоруд!

— Что ты орешь? — прошипел Хоруд, позевывая в дремотности. — Я недавно оставил без урожая сорок сел и заслужил право на отдых.

— Разве не действуем мы вместе в трудную минуту? Ты умеешь убивать незримо, проникать туда, куда не могу прорваться я. Ты иссушаешь или убиваешь холодом корни, вливаешь яд в листья и стебли, напускаешь гниль и саран-

чу. Иди помоги мне, добей то, что не убил я, преврати в прах, чтобы я мог развеять его.

— А Наргис, ради которой ты безумствуешь?

— Она отвергла меня.

И Хоруд пришел. А может быть, приполз, незримый и неуловимый. А может быть, приплыл по низинам, неощутимый, как ядовитое дыхание. Все имеет свой зримый облик, отличимый от других. Хоруд имеет их миллионы, но редко проявляется в одном. Он прибыл, и все, что еще надеялось уцелеть, пережевывалось, перемалывалось в незримых челюстях, обескровливалось и высыхало, гнило и крошилось.

— А-а! — грохотал Буран.— А-а! Теперь вы покоритесь или нет?

И то ли прилетел откуда-то издалека, то ли пробился из-под земли тихий, страдающий голос Наргис:

— Нет!

Долго прислушивался Буран, гадая — в самом деле откликнулась Наргис или ему почудилось?

— Поработаем еще, Хоруд,— решил наконец он.— То, что погнулось, должно сломаться, то, что дало трещину, должно раскрошиться.

И снова день превратился в ночь, небо в черную пучину и долина в кипящий котел. И снова взревел Буран:

— Теперь вы покоритесь?

И то ли тихие, как дальнее жужжанье пчел, голоса возникли неведомо из чего, то ли отзвуки прошлого, чуть различимое эхо былого, но Буран расслышал:

— Нет!

— Нет!

— Нет!

III

И в долине, которую до этого щадили ради Наргис, не стало ни сада, ни цветника, ни травы, ни птиц. Исчезли родники и ручьи, пали козы и овцы, ушли земледельцы и пастухи.

Куда ни глянь, лежала пустыня, о которой говорится: «Человек, который пришел сюда, обожжет ноги, птица, залетевшая сюда, опалит крылья».

— Уфх! — фыркнул Хоруд, древний враг крестьянства, кормящего род людской, погубитель деревьев, пожиратель цветов и плодов.— Кажется, крепко мы проучили их!

На мгновение он даже стал видимым — так комар, тощий до прозрачности, становится, насосавшись вдоволь крови, чуть ли не с пчелу величиной. Смешно и страшно, уродливо и ни на что не похоже выглядел Хоруд — его одежда состояла из высохших, размочаленных корней, из полусгнивших стеблей и листьев, при каждом движении с нее сыпались или обваливались клочки и крошки, а в коричневых космах на голове кишела тля. Глаза его были тусклы и унылы — словно из них глядели голод, болезни и страдания тех, кого он погубил.

— Да, устроили мы то, что надо, не зря старались,— говорил он Бурану, глядя на опустошенную долину.— Я, конечно, мог бы и один справиться, дело нехитрое. Но когда мы вдвоем, все идет быстрее. А не податься ли нам в другие края, не уничтожить ли все повсюду? Чтобы нигде не развернулся ни один листок, не зацвел ни один цветок, чтобы на всем свете не было ни полей, ни лесов, ни садов, ни конских табунов, ни овечьих отар, ни селений, ни людей. Зачем они нам? Не люблю я их. Оставим только голые скалы, гиблые трясины и выжженные пустыни.

— Люблю разумные речи,— согласился Буран.— На пустой земле мне будет просторнее, куда хочу — туда качу. И никто не бросит мне вызова — вся власть в моих руках.

— А я? — спросил Хоруд, обеспокоенный тем, что Буран думает только о себе.— У меня-то ведь и дела никакого не будет.

— Отдохнешь, отоспишься. Ты немало веков поработал.

— Это верно,— обрадовался похвале Хоруд,— я славно потрудился, можно и подремать всласть. Так, может, сейчас сразу и пойдем кончать?

— Да вот дух переведу — и пойдем.

Но когда Буран и Хоруд решили сделать прощальный круг над долиной, еще раз полюбоваться на то, чего они добились, откуда-то из земных глубин, куда им не было доступа, послышался приглушенный голос Наргис.

Она пела:

На дне пустых долин,
В тепле земных глубин
Не властелин Буран,
Хоруд не властелин.

Для жаждущих возник
Из слез моих родник.
О, если бы к нему
Любимый мой притник!

Мороз, Буран, Хоруд
Долину стерегут.
Приди, освободи —
Мои желанья ждут.

У скал и спящих рек,
Хотя бы день померк,
Меня, твою звезду,
Не погасить вовек.

Семя, в свое время павшее в почву, рождает росток, росток тянется к солнцу и образует бутон, бутон раскрывается и становится цветком, цветок роняет лепестки и осыпает на землю семена. Жизнь — это караван, который, преодолевая ущелья и перевалы, льды и пустыни, идет от оазиса к оазису. Пустыня имеет конец, жизнь — нет. Голос зла рождает эхо, которое слабеет с каждым шагом и падает замертво, добро рождает легенду и песню — они, как караваны от оазиса к оазису, как семя к семени через бутон и цветок, идут в бесконечность через душу и память поколений.

Наргис нашла спасение в земных глубинах.

Наргис возрождалась.

Наргис пела.

И, услышав ее, откликнулись ей другие цветы, и самые смелые уже поднимали головки от земли, и по долине, пусть еще робко, снова вспыхивали краски.

— Что же это? — ежась от холода, спросил Хоруд. — И откуда?

Буран, вложивший в разрушение все силы, выдохся и молчал.

А цветы переговаривались песнями.

Н а р г и с

Мои подружки! В бурях прошлых дней
Объединившись, стали мы сильнее!

Л о л а

Нет, ни Буран, ни злой урод Хоруд
У жизни свет и цвет не отберут!

А т и р г у л

Отступит враг, я пыль сотру со щек
И заново оденусь в алый шелк!

Н а в р у з г у л¹

Уходит зло. Светлеют небеса,
И наши листья вымоет роса!

Н а р г и с

Я слышу — снова листья шелестят.
Живи, долина, пой, весенний сад!

IV

— Ты слышишь? — повторил Хоруд. — Что же это такое?

— Они оживают, вот что это такое, — просипел Буран.

— Но почему?

— Приходит весна.

— Я ее не знаю и знать не хочу. Мое дело — губить.

— А весна приносит тепло, исцеляет недуги, творит живое из пезживого.

— Выходит, мы напрасно старались? — злился Хоруд. — Выходит, эти пестрые лоскуты опять займут всю долину, будут насмехаться над нами?

Буран, нахохлившийся, усталый, при последних словах Хоруда пришел в ярость:

— Что ты расхныкался, Хоруд? Что ты раскис? Правда, у меня теперь меньше помощников — ушли к горным вершинам морозы, снега, льды. Но еще остались дожди, град, вихри, громы, молнии, ознобные туманы. Цветы и травы еще не набрали силы, еще слабы. И твои полчища, Хоруд, прибывают — горячий ветер, выпивающий соки, жучки, червячки, тля. Всех не перечесть! Мы еще пока-

¹ Н а в р у з г у л — цветок, которым девушки украшают себя в праздники.

жем себя! Они ждут солнца? Пусть подождут — я опять закрою долину темными тучами. Они ждут тепла? Как бы не так — я напущу холодные ливни, ударю градом, ослеплю молнией, оглушу громом, втопчу в землю. Они ждут мотыльков, которые порхали бы над ними, как живая радуга? Они ждут шмелей и пчел, которые перелетали бы с цветка на цветок, напевая им песни? Напусти на них тех, что жалят, грызут, жуют, подтачивают корни, выпивают соки. Давай-ка попробуем еще раз, Хоруд, давай попробуем!

Разгорался рассвет, но в долине его не увидели — небо было закрыто облаками.

Взошло солнце, но в долине его не увидели — оно освещало только заоблачные вершины.

Начинался день, а в долине стояли сумерки.

Обрушился ливень, из конца в конец долины зашумели потоки, пригибая цветы и травы к земле.

Ударил град, выбивая барабанную дробь, приплясывая, вытягиваясь косыми нитями и закручиваясь в белые жгуты, топча стебли, листья, лепестки.

Грянул гром, словно предупреждая: «Эй, все с дороги, сокрушу, сотру в порошок!»

Выскользнули из тучи, извиваясь, словно гигантские змеи с огненной чешуей, молнии.

Поползли жучки, короеды, листовертки, тля, гниль и плесень.

В селах говорили: «Опять непогода. Чем провинились мы перед небом?»

А цветы поникли, полуживые, погасили свои краски, замолкли. И, обессилев, расстелилась по земле Наргис.

Иногда кажется, что счастье стоит на твоём пороге, но когда присмотришься — через его плечо выглядывает беда.

Иногда кажется, что дорога, открытая до горизонта, ровна и легка, но когда пойдешь по ней, обнаружатся ямы и рвы, в которых можно сломать не только ногу, но и голову. Только мудрость старости всегда помнит, что в один и тот же день вылетают из гнезд и соловьи и коршуны, что на одном и том же поле могут рядом расти пшеница и колючка, от которой отворачивается даже ишак. Юные цветы верят, что они рождены только для радости. Ах, если бы семена могли рассказать росткам и цветам все, что они знают! Но цветок умирает, когда рождается семя, и от семени остается лишь полуистлевшая шелуха, когда

рождается цветок. Они переходят друг в друга, но никогда не встречаются — таков закон.

Прижатые к земле, помятые градом, испачканные илом, цветы, едва возродясь, угасали.

Распростертая возле камня Наргис теряла остатки сил. А виновники непогоды и беды радовались.

Буран

Да, ты силен, Хоруд! Да, ты, старик, хитер —
Незрим, неслышен шел, а все живое стер!
За подвиги твои любую из наград,
Какую изберешь, я выдать буду рад.
За то, что ты свершил, что смело вел войну,
Что хочешь ты иметь? Парчу? Шелка? Жену?

Хоруд

Что пужно мне?
Меня вполне
Устроит лишь одна награда —
Пустыня мертвая по всей стране!

Буран

Хоруд, цветник убит. Но корни-то живут,
И роются в земле, и часа мести ждут.
Я не могу, но ты из сопма слуг твоих
Тех подошли, что там добьют, прикончат их!

— А ты что же? — спросил Хоруд. — Я опять, не щадя сил, буду действовать, а ты отдыхать? Я обед варить, а ты ложку готовить?

— Ну, что ты, — сказал Буран. — Идущий в конце каравана больше всех глотает пыли и последним пьет у источника. А мне нужна Наргис. Живая или мертвая. Я с тобой, но у меня нет власти над тем, что укрылось.

И еще два дня бушевала долина ветрами, громыхала грозами, поджигалась молниями, заливалась дождями. И еще два дня и две ночи шарили на поверхности, проникали в почву слепые и выпуклоглазые, безногие и сороконогие, длинные, как иглы, и круглые, как шарики, жующие и жалащие помощники Хоруда. И когда все это кончилось, Буран остановился над поверженной Наргис.

Глаза ее были закрыты, брови недвижны, но она дыша-

ла, и сердце ее билось. Редко, неуверенно, устало, но билось.

Говорят — смерть сильнее всего и всех. О люди, говорящие так, посмотрите вокруг и скажите — почему же, если она всех сильнее, на земле колосятся хлеба, шумят травы, синеют леса, бродят табуны коней и отары овец, мпожатся села и воздвигаются города? Жизнь — огонь, а смерть — пепел, но разгребите ипую кучу пепла, который кажется давно остывшим, серым, как небытие, и вспыхнет искра, и засверкает уголек, из которого рождается новое пламя.

— Добей ее, — сказал Хоруд. — Или это сделаю я. Что тебе толку в ней такой?

Буран хотел сказать, что так и сделает, но красота Наргис опять поразила его. И он застыл в недоумении — что это с ним происходит? Если бы он спросил у жизни, она объяснила бы ему, но где и когда убийца советовался с жертвой?

И пока Буран стоял в оцепенении, до него донесся шепот:

— Бамбур, царь пчел! Я жду тебя! Жду тебя, жду тебя...

Буран и Хоруд забеспокоились — ничего хорошего от Бамбура они ожидать не могли. С ним одним они справились бы, но они хорошо знали, что у него неисчислимы рати помощников. Каждая пчела сама по себе мала, у нее слабые крылья, но когда их миллионы, они способны родить вихрь, ломающий деревья и шатающий скалы. Укус пчелы жжет, как огонь, но у каждой из них одно жало, а когда они налетят тучей, под их ударами, как под ударами копий и мечей, рухнет в предсмертных муках даже великан, проклиная день и час, когда он бросил вызов Бамбуру.

Малое, маленькое, малость — что это такое? Мала песчинка, но из песчинок состоят горы, на вершинах которых отдыхают облака и звезды; мала капля, но из капель состоит море, которое дробит скалы и топит корабли.

— Бедная Наргис, — сказал, оглядываясь на всякий случай по сторонам, Буран. — Ты напрасно зовешь Бамбура, говорят — он уже погиб. Да и что может сделать он один против тех, кто способен превратить день в ночь, остановить реки, перекрасить землю из зеленого в черный

и желтый цвет? Миром правит сила, и эта сила — я. Но сила нуждается в нежности для отдохновения и радости, а нежность — это ты. Почему нам не соединить силу с нежностью?

— Где ты видел, Буран, чтобы дружили и соединялись лед с огнем? Да, ты сила, но — сила смерти, холода и мрака. А я — сила любви. Сила тепла, света, радости.

— Какая же ты сила, если повержена и взываешь о помощи?

— А какая же ты сила, если не справился с нами один и взял в подручные Хоруда?

— Ты слишком смело разговариваешь, Наргис. Речь поверженного должна быть хвалой победителю.

— Поверженный не пленник и не раб до тех пор, пока дух его свободен.

— Тогда он — мертвец.

— Ты снова грозишь?

— Я дал тебе право выбора.

— Что ж, убивай.

— Жизнь, Наргис, — высшее наслаждение, которое существует в мире. Смерть — пустота, холод, безмолвие.

— Не обольщай и не пугай.

— Я говорю правду.

— Нет, ты на ложь паляливаешь одежды правды. Правда в том, что без любви нет жизни, правда в том, что тот, кто предает любовь — предает жизнь. Ты волеи унижить меня, ты можешь уничтожить меня, но помни — я возрожусь, я воскресну в моей любви!

Сложные чувства, от удивления до ярости, владели Бураном. Откуда столько упорства, непреклонности, самопожертвования в этом существе, на вид таком слабом и беспомощном? Или и в самом деле есть на свете нечто такое, чего он, пробушевавший над землей века веков, не знает и не понимает? Да нет, пустяки, болтовня, глупое упрямство! В мире правила и вечно будет править сила, только сила. Кто силен — тот властелин, кто силен — тот диктует свою волю всем остальным.

— Что ж, — сказал Буран, — не обижайся. Ты сама выбрала себе судьбу. Но я не убью тебя сразу — куда мне спешить? Нет, я стану наблюдать, как мгновение за мгновением, в муках и терзаниях будешь ты приближаться к черте, за которой бездна и мрак! Говорят, ожидание смерти страшнее смерти — ты узнаешь его...

Бамбур искал и не мог найти дорогу к Наргис. По ней, засыпая ее песком и пылью, прошелся Вихрь, ее исклевал градом и размыл потоками Буран, по ней прополз, прокатился Хоруд, углаживая все под унылый цвет пустыни. Когда-то чистые, как глаза журавлей, подсказывающе журчали ему родники, но теперь они были засыпаны, завалены глыбами земли и камня. Над путеводными горными вершинами клубились облака. Прежде на середине дороги ему ободряюще цела и указывала направление река, теперь она текла вспять в других, изменившихся берегах, а местами разливалась по затопленным полям и лугам.

Он окликал орла: «Откликнись!», призывал звезду: «Покажись!», просил ветер: «Развей тучи!» Но орлы забились в расщелины скал, но звезда не могла прорваться сквозь тучи, но ветер, неподвластный себе, бросался попусту из стороны в сторону, сам не зная зачем.

Похудевший, истрадавший, но не теряющий надежды Бамбур шел напрямик, преодолевая хаос и мрак. И однажды обратился с мольбой к солнцу:

— Солнце, солнце, где ты? Покажись!
Ты во мраке породило жизнь —
Почему ж о нас ты позабыло?
Выглянь и дороги освети.
Помоги Наргис мою найти —
Девушку, что верно полюбила!

Мук моих не передать в словах.
Труден поиск и коварен враг,
Даль в грозе темнеет, как могила.
Солнце, солнце, луч свой оброни,
Укажи дорогу мне, верни
Девушку, что верно полюбила!

В ней пачало и конец моих
Всех надежд и радостей земных.
Нет ее — и убегает сила.
Освети мне, солнце, долгий путь,
Помоги Наргис мою вернуть —
Девушку, что верно полюбила!

У солнца много дел, к нему обращено много просьб, порой неразумных и противоречивых.

В одном месте, где землю заливают дождями и пропизывает холодами, его просят — посвети, погрей, помоги расти хлебам и травам!

В другом месте, где дождей давно не было, его умоляют — уйди с неба, не томи, не жги, потому что на сожженную землю придут голод и мор.

В одном месте ему подставляют лицо — обласкай кожу, разгладь морщины, в другом месте от него закрывают лицо и прячутся в тень. Даже при желании оно не может угодить всем.

Но у любви особый голос. Он долетает до неба, проникает во глубинные, перелетает через океаны и моря. И кипящие волны и смерти не могут поглотить его.

Услышало Бамбура солнце и, тронутое страданием его, решило помочь. Оно выбросило огненные языки, лавной жара и света ударило по тучам и заставило их расступиться. Правда, ненадолго. Но этого было достаточно, чтобы Бамбур увидел дорогу и со скоростью стрелы, пущенной из богатырского лука, помчался в долину.

И сквозь завывание ветра и шум потоков услышал он страдальческий голос Наргис.

Наконец Бамбур опустился в долине. Но, оглянувшись вокруг, он не узнал ее. «Ужели снова я ошибся?» — подумал он. Ибо то, что он видел, не было долиной цветов, долиной жизни. То, что он видел, было долиной разрушения, запустения, смерти. Где цветы и травы, которые, разбегаясь от края до края и колыхаясь под легким ветерком, похожи были на желтых, синих, красных, оранжевых, фиолетовых бабочек, кружившихся в причудливом хороводе?

Вместо них были черные и коричневые пятна, промоины, бугры песка, сплетения, клубки размочаленных корней и стеблей.

Где тонкие и пряные, кружившие голову ароматы, для обозначения которых не найти слов ни в одном языке?

Их не было. Пахло пылью, гнилью, гниением.

Где бесчисленные песни бесчисленных птиц, их пересвистыванье, перещелкиванье, трели и рулады, заслушавшись которыми останавливалась в предутреннем небе луна и в полдневном мареве спящие белизной облака? Где шорохи лепестков, листьев, стеблей, былинки, веток, которые обменивались приветствиями друг с другом и рассказывали друг другу обо всем, что случилось в долине, за

краем долины и в том дальнем далеке, куда не достигает глаз.

Их не было. Только сипел мертвящий ветер и далеко в ущельях глухо, как собака, подвывал Буран.

Если бы Бамбур мог, он заплакал бы слезами горя и отчаяния. Но ему не дано было слез, облегчавших душу.

Если бы он мог, он проклял бы законы неба и земли, которые допускают унижение слабого сильным, несправедливость и гибель, глумление зла над добром.

Но он не умел проклинать. Он умел только сочувствовать, сострадать, помогать.

И, опечаленный, сел он на камень и запел — потому что только в песне во всей полноте может излиться душа и дума, соединяя прошлое и настоящее, деяние и мечту.

Открыть мне путь моля,
Я дальние края
Прошел, чтоб отыскать тебя,
Наргис, любимая!

Где ты? Где ты? Где ты?
Темны вокруг, пусты
Ложбины, холмики, холмы —
Где ж птицы и цветы?

Закрылись их глаза,
Замолкли голоса,
И, как могила, падо мной
Угрюмы небеса.

Кто он, каков собой
Тот, кто вершил разбой,
Кто в озверении привык
Играть чужой судьбой?

Быть может, в том, Хоруд,
Твой замысел и труд?
Быть может, ты, слепой Буран,
Творил неправый суд?

Так что ж молчите вы,
С овечьим сердцем львы?
Зову на бой! Никто из вас
Не сносит головы!

Зову на бой! Зову на бой!
И ты, весна, помощник мой,
Спешь! И не грусти, Наргис, —
Мы встретимся с тобой!

Что такое песня? Одни думают, что это способ сделать приятным безделье. У таких мысли бескрылы и сердце обросло корой. Другие думают, что песня — это способ излить свое, чтобы о нем стало известно всем. Они видят одним глазом и слышат на одно ухо. Третьи считают, что песня — это мудрость ума и души, от нее быстрее бежит сок в деревьях и кровь в жилах, она делает сильными слабых в неравной борьбе и храбрыми боязливых. Обречен не тот, чье положение кажется безнадежным — обречен тот, кто не может петь свою песню. Хотя бы лишь для себя, в сердце своем, без слов!

Бамбур пел. Напрасной была бы попытка передать все, что выражалось в этом пении. Разве знает кто-нибудь, сколько обыкновенных слов заменяет одно слово песни? Разве измерил кто-нибудь, сколько верст и лет, сколько надежд и свершений вмещает одна строка песни? Разве подсчитал кто-нибудь, сколько животворных сил рождает мысль, ставшая образом и музыкой одновременно?

Многие тщились познать это, но уходили с крохами истины, которыми не накормить и птенца.

Бамбур пел — и в долине становилось тише, тише, тише. Бамбур пел — и в долине становилось светлее и теплее.

Сколько длилось это? Никто не знает. Быть может, время, заслушавшись, потеряло само себя, быть может, завороченное и окрыленное, понеслось со скоростью потока, падающего с горного обрыва на дно ущелья. Но пока он пел, в долине сначала едва заметно, а потом все быстрее происходили перемены.

Просыхала, источая легкий пар, начинала шевелиться земля — то тут, то там из нее, как птенец из гнезда, поднимался двукрылый росток. Поднявшись, поблескивал капельками росы, и тянулся вверх, и с непостижимым искусством, которому может позавидовать лучший вяатель мира, лепил бутон.

О чудо роста! Прошли тысячелетия, пройдут тысячелетия, но, сколько бы не позналось тайн бытия, будем поражаться мы тому, как из обыкновенной, невзрачной

серой земли, а порой и среди голых камней появляется нежность зеленого листка, а затем распускаются цветы, по богатству и разнообразию красок превосходящие полыхание радуг и рассветов. Дети земли, солнца и звезд!

Наступило мгновение — бутоны стали цветами.

И алоцветоносная Лола кивнула головкой:

— Здравствуй, Бамбур! Мы ждали тебя.

И тонким, пьянящим ароматом дохнула Атиргул:

— Здравствуй, Бамбур! Мы рады тебе.

И цветы продолжали песню Бамбура:

Минул беды изнуряющий час,
Жизни долина полна.
Слава тебе, разбудившему нас,
Слава тебе, весна!

Знаем, что темные силы не спят,
Только проходит их срок.
Пусть возрождаются поле и сад
И за цветком цветок.

Пусть с высоты ниспровергнутся пиц,
Сгинут Буран и Хоруд.
Пусть соловьи в полыхаье зарниц
Славу весне поют!

Нет, пока не все в долине приняло прежний вид. Она только возродалась. И еще неслись по небу облака, правда, уже истончившиеся и разорванные, и еще темнели тучи и поблескивали молнии у горизонта, правда, уже далекие и не такие страшные. Но все жило, преисполненное надежд. А что такое надежда? Это образ того, чего еще не существует, но что будет существовать, если приложить усилия. Ибо тот, кто плывет, не определив цели и не примерившись к пути, тот попадет туда, куда не собирался, и найдет то, чего не искал.

Если переходишь бурный поток, обопрись на посох надежды.

Если спускаешься в темное ущелье, засвети факел надежды.

Если сердце иссушают невзгоды, испей из источника надежды.

Наргис, вложившая остаток сил в призывы к Бамбуру, лежала позади камня в полузабытьи. Она слышала, как поет Бамбур, но слышала как бы издали и думала: «Наверное, я сплю и вижу сон. Или Бамбур, ничего не зная о нашей беде, поет вдалеке, а со мной шутит шутки эхо». Сквозь сомкнутые веки она ощущала, что в долине становится светлее, но она думала: «Во сне желания наши обретают зримый облик и ходят по земле. Наверное, Буран ударил в скалы молнией, а мне кажется, что наступает день». Она расслышала приветствия, которыми встретили Лола и Атиргул Бамбура, но подумала: «Тот, кого мы любим, всегда с нами и в нас. Наверное, это моя память говорит их голосами».

И она вздохнула.

И Бамбур, услышав этот вздох, обернулся и увидел ее. Когда после долгой и мучительной разлуки встречаются влюбленные — отвернись.

Все, кто давно пережил свою любовь, знают, что в этот миг даже глаза друзей — лишние.

Все, кто в счастливом возрасте юности, понимают, что в минуту долгожданного свидания даже глаза брата и сестры — лишние.

Все, у кого счастье любви впереди, в свой срок узнают, что в миг первой встречи даже глаза отца и матери — лишние.

Никто не знает, куда исчезают небо, звезды, солнце, земля, деревья, птицы и цветы, но во всем мире, когда встречаются двое, — остаются только двое. Он и она.

— Ты столько перенесла, ожидая меня! — сказал Бамбур.

— Ты столько претерпел, отыскивая меня! — сказала Наргис.

— Я готов пройти десять раз по столько же, лишь бы видеть тебя! — воскликнул Бамбур.

— Я готова пережить десять раз вдесятеро большие муки, только бы видеть тебя! — вздохнула Наргис.

Она подняла на него свои прекрасные удлиненные глаза, и они сказали ему больше, чем вмещают все книги, все сказки и легенды, созданные от начала бытия. Он опустил ей на плечи бережно руки, и они трепетностью своей

сказали ей больше, чем скажут все книги, сказки, легенды до конца бытия.

И когда они наговорились, не разговаривая, когда рассказали друг другу все, не произнося ни слова, когда поклялись быть всегда вместе, не клянясь, вернулось на свое место голубое небо с весенним солнцем, зазеленела и запестрела красками земля, зажурчала в потоках вода.

Шуми, весна, и, сердце, пой!
Омыты светом и росой,
Во имя дружбы и любви
Мы в новый день вступаем свой!

Бессонно свищет соловей
В прохладной зелени ветвей,
Сын ледников и облаков,
Журчит по камешкам ручей.

Нас, радующихся, не счесть,
Но где-то злые силы есть.
Они затихли, но до срока,
Незримы, но готовят месть.

Единство дружных — наш ответ.
Где вместе все — там слабых нет.
Малы как будто звезды в небе,
Но вечеп их слианный свет!

Из темного ущелья, куда не заглядывает солнце, где стены покрыты бледным мхом, наблюдали за пробуждением долины Буран и Хоруд.

— Слышишь? — сипел Хоруд. — Эти пестрые лоскутья, эти тонконожки, в жилах которых течет обыкновенная вода, опять начинают воображать, что долина принадлежит им. Что ты думаешь об этом, Буран?

Буран

Не проживет до исхода дня
Тот, кто восстанет против меня!
Пики вершин, волны морей
Были покорны силе моей.

— Так-то так, — согласился Хоруд. — Я видел, как ты дробил волны, бросая их на берег, как срывал белые шапки с горных великанов и лавинами швырял в ущелья. Язык не может спорить с такими свидетелями, как глаза. Но ведь сейчас глаза мои видят, как травы, цветы и деревья из долины все ближе подбираются к нам. Я и сам умею убивать, правда, не одним натиском, как ты, а потихоньку, помаленьку, если надо, поодиночке. Но что-то опять их слишком много, и они набирают силу.

Я умею бить и валить,
Обрывая живую нить.
Я воюю уже века —
Почему ж эта нить крепка?

— То-то и оно, Хоруд,— проворчал раздраженно Буран.— Верно, многих ты без лишнего шума отправил на тот свет. Но что из того? Посмотри в долину — их, кажется, даже больше стало!

— Да и море не выплеснулось на сушу, как ты ни грозился,— язвительно намекнул Хоруд.— Да и горные вершины опять надели белые шапки...

— Мы, кажется, сейчас поссоримся,— сказал Буран.— А что в том толку? Ссора сильных становится силой слабых. Давай лучше послушаем, о чем болтают там, в долине. Может быть, есть во всем этом какой-то секрет, которого мы не знаем?

А там переговаривались:

На в р у з г у л

Мир добрыми и злыми населен.
Кто слаб из них, кто подлинно силен?
Не надо слов, в словах разгадки нет,
Вглядишься в долину — и найдешь ответ.

Л о л а

Опять цветут, опять наряд мой ал,
Опять над нами полдень запылал.
Что трушу я, пустил Буран молву,
Но выдохся он сам, а я живу!

А т и р г у л

Был мрак, и вихрь, и молния, и град,
Но снова лью я чистый аромат.
Он дружных делает сильней стократ,
Но для врагов моих — огонь и яд!

Б а м б у р

Ну, что ж, пришла прекрасная пора
Для радости, для счастья, для добра.
А явятся Буран или Хоруд,
Дадим отпор — костей не соберут!

— Ну, и что ты думаешь об этом? — спросил Хоруд, когда напевы стали затихать.— Они еще и нам угрожают!

— Я признаю силу,— подумав, сказал Буран.— Но, может быть, много маленьких сил, когда они действуют

все за одного и одна за всех, — тоже большая сила? К тому же с ними Бамбур, а он может созвать столько пчел, ос и шмелей, что они закروют небо.

В это время на горных склонах, вдоль дорог и в садах возле селений появился и все ширился белый цвет, кое-где принимавший розоватый оттенок. Могло показаться, что выпал снег и местами окрашивается рассветом. А у края долины, протягивая к ней ветки, встало дерево, похожее на клубящееся белоснежное облако.

— Это еще что за новости? — удивился Буран.

— Плохие новости, — проворчал Хоруд, который чаще всего ползком обшаривал землю и знал ее лучше. — Это Явуц, абрикосовое дерево. О его выносливости рассказывают чудеса. Я тоже не раз обломал об него зубы — не стоит связываться. А за ним гранаты, миндаль, все, что цветет и всходит к небу. Им и скалы не помеха — поднимаются с уступа на уступ, цепляются за все, за что можно уцепиться, были бы солнце и вода.

— И до нас могут добраться?

— Кто их знает. Когда-то они жили только около селений, а теперь сам видишь, куда забрались. Смотри, смотри, их становится все больше, они идут, они катятся волнами все выше и выше!

Буран оглядел долину и подножия гор, опоясывающие ее. Всюду, куда достигал глаз, или рябило пестротравьем, или наплывали, клубились, поднимались по склонам цветущие деревья. Иногда порывы ветра сдували с них лепестки, и они, как маленькие мотыльки, как белые и розовые искорки, плыли, вспыхивали в лучах, кружились, опускались, устилая дороги и тропинки, или поднимались к облакам. И тогда почувствовал Буран, как убывает, вытекает из него сила, словно вода из горного озера, прорвавшего перемычку. Он уплотнялся, съеживался и, когда стал похож на черного удава, соскользнул со скалы, извиваясь на камнях, пополз вверх по ущелью, в мрачную теснину.

— Я еще вернусь! — шипел он. — Я вернусь, когда они устанут, когда у них начнется разлад!

— А я? — кричал ему вслед Хоруд. — Что же ты оставляешь меня одного?

Но Буран не ответил. Добравшись до узкой теснины, он заполз в нее, свернулся клубком и впал в забытие.

Хоруд остался один. Он тоже чувствовал себя разбитым, больным, по проклятию, висевшее над ним, гнало и гнало его, и, боясь спускаться в долину, он накинудся на сочившиеся водой серые осклизлые мхи, ключьями свисавшие со степ ущелья.

А в долине наступило ликование.

Цветы и травы образовали огромный, многокруговой, с перевитьями и переплетениями хоровод, который переливался всеми красками и перекликался всеми голосами в долине, затекал краями в сады и на горные склоны.

— Здравствуй, медоносный! — приветствовал Явуна Бамбур.— Мы знаем, ты пришел, чтобы указывать дорогу лучам и теплым дождям!

— Здравствуй, Явун! — приветствовала его Лола.— Если у тебя есть девушка, я подарю ей свой лепесток, который будет пылать красным огоньком на ее белом платье!

— Здравствуй, Явун! — прошептала Атиргул.— Если у тебя есть невеста, я подарю ей самые лучшие в мире духи!

И отвечал Явун, похожий на белоснежное облако:

Исчезла колдовская сила,
Весна дороге осветила
И кудри темные Наргис
На грудь Бамбура опустила.

Сияет солнце с небосвода,
Река тепла и полноводна.
Да будут с нами в этот день
Любовь, согласие и свобода!

VI

Говорят, что весна — пробуждение жизни. Наверное, это придумал поэт, который представил снега зимы пуховым одеялом. На утренней заре обрисовывает его красавица, чтобы, умывшись прохладной водой, подарить ослепительную улыбку.

Говорят, что весна — это продолжение жизни. Наверное, это придумал пахарь, который, собрав семена одного урожая, выращивает с их помощью следующий.

Говорят еще, что весна — это пробуждение жизни для

ое продолжения и обновления. Наверное, так решил седобородый мудрец, который соединил мечтательность поэта и опыт пахаря с таинственным и великим свойством самой жизни — пробуждаться после застоев и потрясений, продлеваться семенами и корнями, вечно обновляться в поиске и дерзании. Нелегко этот путь, полон опасностей и напастей, но там, где рос один колос, встанут два, и там, где был куст, встанет дерево, опуская корни в прохладные глубины и устремляясь вершиной в жаркие небеса.

В долину, где встретились Наргис и Бамбур, пришло пробуждение, продолжение и обновление. И похожа она была на прекрасное сюзане, которое для глупца всего лишь полотно, а для умного — повесть бытия и поэма любви, написанная руками природы на языке природы!

Умеешь читать — прочти!..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Это было в Кашмире.

Мы плыли на пароходе по реке Джилам. И там, сначала на палубе, от спутников, потом на берегу, у гостеприимных хозяев, слышали эту песню о Наргис и Бамбуре. Исполнение ее сопровождалось наигрышами на старинных национальных инструментах.

От многих людей, друзей нашей страны, слышали мы приветствие: «Ваш приезд — радость для нас». Разные, как рассказывали нам, люди поют эту песню — хлеборобы, чабаны, городские рабочие, ремесленники. И с различными оттенками истолковывают ее.

Для молодых, неискушенных в жизни, мало испытавших — это всего лишь песня весны и любви.

Для людей философического склада — это отражение пантеистического взгляда на природу, уходящее в седую древность, а одновременно образно-музыкальное истолкование того, что происходит вокруг — смена времен, возрождение из семени, борьба добрых и темных сил.

Третьи говорили в раздумчивости: «Знаете, Буран вполне подходит для олицетворения гнета и порабощения, которые так долго испытывал на себе наш народ, а Хоруд — в качестве воплощения мелких колониальных чиновников, которые кишели всюду, по крохам высасывая наши богатства».

Я не могу присоединиться к одному какому-либо толкованию или искать какое-то обобщение — это всегда останется на усмотрение тех, чьи прадеды сложили эту песню, чьи деды и отцы донесли до наших дней, кто исполняет ее сегодня. Я думаю, что чем глубже, чем шире, чем величе-

ственнее река, чем длиннее ее путь, тем больше она в себе отражает и тем она прекраснее.

Именно потому я решил пересказать эту песню, хотя ни на минуту не сомневаюсь, что неизбежны какие-то утраты, что в совершенной полноте и гармонии она всегда пребудет лишь на том языке, на котором создана и на котором исполняется.

И еще — тем самым я еще раз хочу выразить признательность кашмирским и индийским друзьям, встречи с которыми навсегда останутся в моей памяти.

*Сингапур — Дели — Ташкент
декабрь 1955 г.— август 1976 г.,
1977*